

ЭТНОС, НАЦИЯ, ДИАСПОРА

Успешное развитие любой науки, включая этнологическую (этнографическую), предполагает в качестве своей необходимой предпосылки детальную разработку используемых в ней понятий и тем самым создание стройного категориального аппарата. В этом отношении появление статьи В.А. Тишкова можно только приветствовать. Хотя понятие диаспоры в настоящее время необычайно широко используется в отечественной литературе, оно, как это хорошо показано в данной работе, до сих пор явно недостаточно разработано. С целым рядом положений, которые развивает В.А. Тишков, можно согласиться. Но главная ценность статьи не в этом. Она, на мой взгляд, прежде всего важна тем, что заставляет задуматься над, казалось бы, давно решенными вопросами и искать новые ответы на них. Проблема диаспоры, безусловно, заслуживает самого детального рассмотрения. Однако здесь я ограничусь лишь некоторыми размышлениями, на которые натолкнула статья В.А. Тишкова.

В ней речь идет по существу только о диаспоре. Но, по моему глубокому убеждению, в этом вопросе невозможно по-настоящему разобраться, если не выявить отношение диаспоры и этноса, этноса и общества и, наконец, этноса, нации и общества. При этом, говоря об обществе, я в данном случае имею в виду не общество вообще, а конкретное отдельное общество, т.е. социоисторический организм (социор), причем того вида, который присущ классовому обществу, а именно геосоциальный организм (геосоциор). Характерные черты последнего заключаются, во-первых, в том, что он неразрывно связан с определенной территорией, которая выступает как его территория, во-вторых, в том, что совокупность людей, составляющая этот социоисторический организм, выступает по отношению к нему как нечто отличное от него самого, как его население, как население его территории. Границы современного геосоциора, как правило, совпадают с государственными. Поэтому в литературе геосоциальный организм принято именовать государством. Другое широко употребляемое в литературе название – страна¹.

Понятие этноса было мной подробно рассмотрено в целом ряде работ². Здесь я ограничусь лишь кратким определением, которое далеко не оригинально. Оно совпадает с тем определением, что давали и дают этносу многие отечественные этнографы. Этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп.

Люди, составляющие этнос, безусловно, всегда живут в обществе, в системе социально-экономических, политических и иных общественных отношений. С этим связаны частое отождествление этноса и общества, подмена этноса обществом. В действительности этнос и общество – хотя и связанные, но совершенно разные явления. Это особенно наглядно тогда, когда люди, принадлежащие к одной общности, входят в состав нескольких разных геосоциальных организмов.

Было время, когда с карты Европы исчезла Польша и поляки оказались в пределах трех разных геосоциоров. Польши как социально-исторического организма не стало, но польский этнос продолжал существовать. А в случае с ГДР и ФРГ немцы жили не просто в разных геосоциальных организмах, а в обществах разного типа, с разным социально-экономическим и политическим строем.

Но и тогда, когда геосоциальный организм и этнос по своему человеческому составу полностью совпадают, они ни в коем случае не являются одним и тем же. В случае же наличия в одном геосоциальном организме нескольких этносов последние не являются подразделениями, частями общества. Это – деления внутри всего лишь населения общества, а не общества, как часто понимается.

Таким образом, этносы представляют собой лишь группировки населения общества, поэтому совершенно ошибочно говорить о социально-экономической или политической структурах этноса. У него таких структур нет и заведомо быть не может. Такие структуры имеет только общество, социоисторический организм.

В отношении общества и этноса первичным является общество. Этносы суть порождения общества, но такие, которые могут приобрести относительную самостоятельность, причем иногда даже значительную. Положение о первичности общества по отношению к этносу подтверждается всем ходом исторического развития. В число признаков этноса не входит ни общность территории, ни общность экономической жизни. Но понять, почему их таковыми считали, можно.

В принципе члены одного этноса могут жить на совершенно разных, далеко отстоящих друг от друга территориях и принадлежать к разным экономическим общностям, однако возникнуть этнос без более или менее компактного совместного проживания будущих его членов на определенной территории и наличия между ними каких-то, пусть минимальных, экономических связей не может.

Этнос может быть (а может и не быть) подразделен на *субэтносы* – группы людей, отличающиеся своеобразием культуры, языка и определенным самосознанием. В таком случае каждый из членов этноса входит в какой-либо из составляющих его субэтносов. У членов такого этноса существует двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к субэтносу.

Этнос может состоять из: 1) *этнического ядра* – компактно живущей на определенной территории основной части этноса; 2) *этнической периферии* – компактных групп представителей данного этноса, так или иначе отделенных от основной его части, и, наконец, 3) *этнической диаспоры* – отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности.

Территория, на которой компактно проживает тот или иной этнос и где он составляет большинство населения, принято именовать этнической территорией. В.А. Тишкову это понятие явно не по душе. Он характеризует его как чрезмерно живучее «клише». Причина его недовольства понятна: эта категория часто используется различного рода националистами для обоснования своих претензий на установление собственной власти над теми или иными областями, что нередко ведет к ожесточенным столкновениям. Достаточно вспомнить хотя бы конфликт, разгоревшийся вокруг Пригородного р-на, входящего сейчас в состав Северной Осетии.

Однако все это не должно заслонять от нас того несомненного факта, что этнические территории реально существуют³. Правда, не везде. В США, например, живет несколько миллионов немцев, итальянцев, поляков и др. Но там нет ни немецкой, ни итальянской, ни польской этнической территорий. И понятно почему. Немцы, итальянцы, поляки и другие в США представляют собой не этносы, а лишь очень своеобразные части этносов – диаспору. И нередко американские, да и не только американские исследователи принимают все это за правило. В действительности мы имеем здесь дело с исключительной ситуацией. США – страна иммигрантов. Совсем иная обстановка существовала и до сих пор существует в России. В ней все сколь-нибудь значительные этносы имеют свои этнические территории. Там, где существуют этнические территории, существуют и этнические границы. И если В.А. Тишков недоволен живучестью «клише» этнических территорий, то, насколько можно понять из статьи, в реальности этнических границ он не сомневается.

Этническая территория не обязательно совпадает с территорией геосоциального организма. В одних условиях геосоциальная территория может включать в себя несколько этнических территорий. В других, наоборот, этническая территория может быть разделена между несколькими геосоциорами. В последнем случае разделенным является ядро этноса. Выше уже был приведен пример: поляки в XIX в. Другой пример – немцы до образования в 1871 г. Германской империи.

Длительное социорное разобщение может привести к распаду этноса на несколько

новых этнических общностей. Пример: распад древнерусского этноса на русскую, украинскую и белорусскую этнические общности.

Когда от этнической территории социорной границей отделяется сравнительно небольшая ее часть, тогда компактно населяющая ее часть этноса становится его периферией. Периферийными частями русского этноса, но отнюдь не его диаспорой являются, например, русские, живущие в Крыму, русские северных областей Казахстана, русские, населяющие восток Эстонии.

Об этнической диаспоре речь может идти только в случае, когда члены того или иного этноса живут, причем дисперсно, на территории, основное население которой принадлежит к иной этнической общности, т.е. на чужой этнической территории. Диаспора может быть и чаще всего бывает внесоциорной: члены данного этноса находятся за пределами геосоциального организма, на территории которого живет ядро данной этнической общности. В статье В.А. Тишкова речь идет в основном только о такого рода диаспоре. Однако диаспора может быть и внутрисоциорной: члены этноса дисперсно живут в том же геосоциоре, в котором находится ядро их этнической общности, но только за пределами своей этнической территории.

Люди, живущие за пределами своей этнической территории, обычно подвергаются ассимиляции и рано или поздно растворяются в среде преобладающего на данной территории этноса: постепенно теряют родной язык, культуру, а затем и чувство прежней этнической принадлежности. Этот процесс обычно завершается только в последующих поколениях. И когда люди приобщаются к иному языку и иной культуре, то часто единственное основание продолжающего сохраняться чувства прежней этнической принадлежности – память о родине: для первого поколения иммигрантов – память о реальной родине, для последующих – память о родине предков. И недаром в статье В.А. Тишкова этому понятию уделяется так много внимания.

Понятие о родине, даже реальной, довольно неопределенно. Под родиной можно понимать и уголок селения, где человек родился и жил в раннем детстве, и селение в целом, и область геосоциорного организма, и, наконец, весь геосоциорный организм. В случае диаспоры под родиной обычно понимают либо часть этнической территории, либо всю этническую территорию, либо, наконец, всю территорию геосоциального организма, в состав которого входит эта территория. Когда под родиной понимают весь геосоциор, то это понятие может совпадать с понятием отечества. Последнее понятие теснейшим образом связано с понятием нации.

В обыденном, и не только обыденном понимании часто ставится знак равенства между понятиями «этнос» и «нация». В отечественной литературе, посвященной этому вопросу, обычно уточняли, что нация есть не просто этнос, а высшая его форма, пришедшая на смену народности.

В действительности же этнос и нация относятся к разным социальным сферам⁴. Сущность этнической общности наиболее ярко проявляется в этнических процессах: этнической ассимиляции (втягивания, растворения) этнического слияния (консолидации), этнического включения (инкорпорации) и этнического расщепления (дивергенции). Они происходят стихийно и во многом независимо от сознания и воли людей.

Сущность же нации наиболее отчетливо выражается в национальных движениях, которые представляют собой деятельность масс людей, направленную к достижению определенных целей, причем чаще всего политических. Каждое такое движение имеет определенную программу. Национальные движения в отличие от этнических процессов относятся к сфере политики. Они представляют собой один из видов политических движений. Нация в этих движениях выступает как определенная общественная, прежде всего политическая, сила, которую нельзя не принимать во внимание. Но это общественная сила определенного рода, отличная от иных общественных сил.

Этнос возникает с переходом от первобытного общества к классовому. Возникновение нации связано с появлением индустриального общества, которое родилось в форме капиталистического общества. Лишь значительно позже, уже в XX в. возникла иная форма индустриального общества, которую принято называть социалистиче-

ским обществом. В действительности это общество не являлось социалистическим. Это было классовое общество, в некоторых чертах сходное с тем, что первоначально возникло на Древнем Востоке, а затем существовало в другие эпохи и в других регионах Земли. Общество Древнего Востока я предпочитаю называть древнеполитарным, индустриальное некапиталистическое общество – неополитарным⁵.

Капитализм спонтанно зародился только в одной области Земного шара – в Западной Европе. Именно она и дает нам классические примеры зарождения и развития наций. Появление нации было результатом возникновения более или менее крупного геосоциального организма, основанного вначале на рыночных, а затем рыночно-капиталистических связях. Единый в экономическом отношении социоисторический организм формировался одновременно и как единое централизованное государство. Вместе с образованием такого единого и экономического, и политически социоисторического организма возникли и его объективные интересы, которые не могли не быть интересами основной массы людей, входивших в его состав.

В результате этого единый социоисторический организм, который одновременно был и централизованным государством, выступил в глазах его членов как их общее отечество, а они, все вместе взятые, стали общественной силой, отстаивавшей интересы этого отечества, т.е. нацией. Нация есть прежде всего совокупность людей, имеющих одно общее отечество.

Возникновение нации нельзя рассматривать как автоматическое следствие формирования единого геосоциального организма. Для ее образования необходимо, чтобы люди не просто входили в состав одного единого геосоциора, не просто составляли его население, были его гражданами, но признавали бы его своим отечеством, а себя рассматривали как соотечественников.

А это невозможно без того, чтобы основная масса населения этого социоисторического организма осознала его объективные интересы, причем осознала их как свои собственные интересы. Такое осознание могло родиться лишь в ходе борьбы за удовлетворение насущных потребностей развития и функционирования этого социоисторического организма. Лишь в процессе подобной борьбы могла вырваться идея национального единства, без которой нация не могла бы оформиться.

В Западной Европе нация, как правило, формировалась в основном по признаку принадлежности к населению единого геосоциального организма. Становление нации, конечно, существенно сказывалось на этническом составе этого организма. Если в нем существовало несколько близких друг другу по культуре и языку этносов, то они могли слиться в один. Шел и усиленный процесс ассимиляции преобладающим в стране этносом членов малых этносов. Однако достижение этнической однородности населения геосоциора не было обязательным условием становления нации, включающей в себя всех его жителей.

Единую нацию могли составлять люди, принадлежащие к разным этносам. Полиэтнической была, например, французская нация. В нее кроме членов французского этноса входили италоязычные корсиканцы, немецкоязычные эльзас-лотарингцы, бретонцы, баски. Но самый яркий образец полиэтнической нации – швейцарская. В ее состав входят члены по меньшей мере четырех этносов: германо-швейцарского, франко-швейцарского, итало-швейцарского и ретороманского. Всех этих людей независимо от их этнической принадлежности объединяет наличие одного единого отечества – швейцарского геосоциального организма. Поэтому они образуют одну нацию – швейцарскую.

Здесь необычайно отчетливо выступает расхождение нации и этноса. Нация не является этносом, а составляющие ее этносы не представляют собой наций. Нации, которые формируются по признаку принадлежности к геосоциорному организму, можно назвать социорными нациями, или, короче, соционациями. В случае существования соционации может иметь место расхождение между сознанием национальной и этнической принадлежности. В Западной Европе обычно на передний план выступало первое, а второе было в тени и почти не привлекало внимания.

Но кроме соционаций возникают и существуют нации иного типа. Если в социо-историческом организме с полиэтническим составом населения имеет место дискриминация по признаку этнической принадлежности, т.е. то, что принято именовать национальным гнетом, то это обстоятельство с неизбежностью порождает у представителей дискриминируемой этнической общности общие интересы, отличные от интересов социоисторического организма в целом, и вынуждает их объединяться для борьбы за свои права. В результате дискриминируемый этнос становится политической силой, преследующей собственные цели.

Если его члены рассеяны среди людей, принадлежащих к другим этническим общностям, то их цели обычно не идут дальше уравнивания в правах с людьми, принадлежащими к господствующему этносу. Иначе обстоит дело тогда, когда дискриминируемая общность относительно велика и члены ее более или менее компактно населяют определенную территорию.

Дискриминация, препятствующая представителям угнетенной этнической общности признавать весь геосоциальный организм, в котором они живут, своим отечеством, одновременно побуждает их осознать как свое отечество только ту его область, которую они компактно населяют. В результате дискриминируемый этнос становится особой нацией, противопоставляющей себя остальному населению геосоциального организма.

Всех членов этого этноса теперь объединяет и одновременно отделяет от других людей, входящих в состав данного геосоциального организма, наличие собственного, особого отечества. Вполне понятно, что в таком случае как особая нация выступает и господствующий этнос даже тогда, когда его члены считают своим отечеством страну в целом.

Когда члены дискриминируемого этноса осознают себя как соотечественники, их борьба против дискриминации приобретает характер борьбы за интересы своего отечества против его врагов и угнетателей. Они теперь чаще всего начинают стремиться не к уравниванию в правах с членами господствующего этноса, а к освобождению своего отечества от чужеземного гнета, созданию собственного независимого государства, а тем самым и самостоятельного геосоциального организма.

Нация в таком случае возникает как политическая сила, стремящаяся к созданию независимого государства. Формируясь, она проявляет себя в особого рода политическом движении: национальном, или, точнее, национально-освободительном.

Если в примере с Францией и Швейцарией нация формировалась в основном по признаку принадлежности к населению единого геосоциального организма, то в случае существования в геосоциоре национального гнета она складывается по признаку принадлежности к определенной этнической общности. Все представители данного этноса образуют нацию. Процесс превращения совокупности людей, которая являлась только этносом, одновременно и в нацию можно было бы назвать нацизацией этноса. В последнем случае сознание этнической принадлежности совмещается с сознанием национальной принадлежности. В результате людям с особой силой навязывается иллюзия полного тождества нации и этноса.

Таким образом, кроме наций, формирующихся по признаку принадлежности составляющих их людей к одному геосоциальному организму (соционации), существуют и нации, формирующиеся по признаку принадлежности составляющих их людей к одному определенному этносу. Их можно было бы назвать этническими нациями, или, короче, этнонациями. В.А. Тишков резко высказывается против несостоятельной «доктрины этнонационализма». Не очень понятен смысл, который он вкладывает в данное словосочетание. Но значение слова «этнонационализм» более или менее ясно. На мой взгляд, реальный этнонационализм – явление негативное.

Когда нация строится по признаку не социорной, а этнической принадлежности, «национальная идея» всегда предполагает политическое, а нередко и правовое противопоставление людей, образующих разные этносы. Не буду долго задерживаться на национализме господствующего этноса, одновременно образующего и нацию. В этом явлении нет ничего положительного. Национальная идея в таком случае служит

оправданием и обоснованием привилегированного положения данной группы людей, ее права на притеснение и дискриминацию всех других этнических групп.

В национализме дискриминируемого этноса выражается его стремление покончить со своим принижением положением. В этом смысле в национализме есть демократическое, позитивное содержание. И если бы данная идеология этим исчерпывалась, если бы лозунгом такого движения было полное равенство всех людей независимо от их этнической принадлежности, то ее, собственно говоря, нельзя было бы назвать национальной, тем более националистической.

Но так обычно никогда не бывает. В национализме притесняемой этнической общности почти всегда присутствует его противопоставление всем остальным этносам, прежде всего господствующему. И когда программа движения состоит в требовании территориальной автономии, тем более независимости, то почти всегда явно или неявно подразумевается, что власть в автономной области, тем более в независимом государстве, должна принадлежать прежде всего или даже исключительно представителям данной нации. Иначе говоря, данная программа предусматривает предоставление привилегий данной нации и явную или неявную дискриминацию людей, принадлежащих к иным этносам, и прежде всего к господствующей нации.

Однако неприязнь к этнонационализму не должна заслонять того очевидного факта, что кроме соционаций существуют еще и этнонации. Некоторые исследователи признают существование только этнонации и всякий этнос рассматривают как нацию. Такой взгляд ошибочен. Другие исследователи в противовес им признают только соционации и не признают этнонации. Подобного мнения придерживается и В.А. Тишков.

Согласно последней точке зрения, все полноправное, т.е. имеющее гражданство, население любого современного государства неизбежно образует единую нацию независимо от этнического состава. Как мы уже видели, так действительно бывает, но это совершенно не обязательно. Население геосоциального организма составляет одну нацию только в том случае, если все эти люди считают этот организм своим единым отечеством. В таком случае этносы, входящие в состав этого населения, представляют собой только этносы, но не нации. Если же члены каждого из этносов, образующих население геосоциального организма, считают своим отечеством только свою этническую территорию, то в нем столько наций, сколько этносов. Страна тогда не только полиэтнична, но и полинациональна.

В геосоциальном организме не просто с полиэтничным, но с полинациональным населением при отсутствии дискриминации по признаку этнической принадлежности обычно возникает тенденция к возникновению одной нации, т.е. к мононацизации страны. Соответственно идет процесс денацизации этносов. Но степень реализации этой тенденции может быть различной.

Выше уже отмечалось, что возможно наличие у людей двойного этнического самосознания: сознания принадлежности к этносу и одновременно к субэтносу. Возможно и двойное национальное самосознание. Человек может одновременно считать своим отечеством и геосоциальный организм в целом, и ту часть его территории, которую компактно населяет его этнос. В таком случае мы сталкиваемся с нацией, состоящей из нескольких наций, т.е. с супернацией и субнациями.

Такая ситуация – совершенно не обязательно результат мононацизации страны. Она может быть следствием и прямо противоположного процесса. Группы людей, которые были только этносами, становятся и нациями. Идет процесс нацизации этносов, а тем самым и полинацизации страны. Такое развитие наблюдается, например, в Бельгии. Раньше там существовала лишь одна нация – бельгийская. Она была соционацией. Валлоны и фламандцы были лишь этносами. Сейчас они стали и нациями (субнациями), причем этнонациями, а бельгийская нация тем самым превратилась в супернацию. Следующий шаг в этом направлении может заключаться только в превращении этих субнаций в полностью самостоятельные нации и исчезновении объединяющей их супернации. Время покажет, будет ли он сделан.

В полиэтничной стране движение в сторону мононациезации может сменяться движением в сторону полинациезации и наоборот. А иногда эти движения идут одновременно: одни этносы внутри страны денациеизируются, другие, наоборот, нациеизируются.

Очень своеобразным было развитие этих процессов в СССР. С одной стороны, в нем долгое время в целом протекал процесс мононациезации. Возникла супернация, в которую вошли если не все нации и этносы в СССР, то по крайней мере многие. Именно эту супернацию фактически имели в виду, когда говорили о советском народе. Но одновременно с процессом мононациезации страны происходили процессы нациезации если не всех, то целого ряда этносов. И начиная с определенного периода процесс нациезации по крайней мере части этносов начал обгонять процесс мононациезации страны, что в немалой степени способствовало распаду СССР на государства, большинство из которых претендует на то, чтобы быть национальными.

В общем ни одна страна с полиэтничным населением не застрахована от движения в сторону полинациезации. Даже во Франции, где со времен Великой революции все население составляло одну нацию, в последние десятилетия наблюдаются тенденции к нациезации некоторых этносов, в частности корсиканцев.

В своем игнорировании бытия этнонаций В.А. Тишков не одинок. В этом отношении он следует за западной, прежде всего англоязычной, литературой. И понять это можно: правилом для Западной Европы были соционации. Этнонаций в этом регионе долгое время практически не существовало. Но западная наука пренебрегала не только этнонациями. Она мало занималась и этносами. Если в отечественной этнологической науке всегда стремились создать *теорию этноса*, то в западной, особенно американской – *концепцию этничности*.

И это совершенно не случайно. Такое различие подхода связано с различием материала исследования. В России и СССР существовало множество сравнительно крупных этносов, обладающих своими этническими территориями, и пробивала дорогу тенденция к их нациезации. Совсем иначе обстояло дело в США. Если в других регионах мира возникновение этносов предшествовало появлению наций, то в США сначала возникла американская нация, а затем эта совокупность людей стала еще и этносом. Если в других регионах мира имел место процесс нациезации этносов, то в США – этнизации нации.

На протяжении последующих веков существования этой страны в нее непрерывным потоком направлялись иммигранты. В результате в США всегда существовали диаспоры множества этносов. Но этнос был только один – американский. Иноэтнические иммигранты почти сразу же входили в состав американской нации. США становились для них отечеством, причем единственным. Отечество, которое они покинули, становилось для них просто родиной: для первого поколения – истинной родиной, для последующих – родиной предков.

За процессом включения в американскую нацию следовал процесс этнической ассимиляции, который мог затянуться надолго. В результате его если не первое, то последующие поколения иммигрантов растворялись в американском этносе. Но диаспоры при этом не исчезали. На смену, скажем, полностью ассимилировавшимся ирландцам приходили новые выходцы из Ирландии, и затем этот процесс снова и снова повторялся. Диаспоры непрерывно обновлялись, однако при этом продолжали существовать.

Иммигранты, если ранее и не были англоязычными, довольно быстро переходили на этот язык, более медленно, но усваивали американскую культуру. Сложнее всего было с прежним этническим самосознанием. Оно долгое время продолжало сосуществовать с новым национальным самосознанием – американским. При утрате прежнего языка и прежней культуры оно в основном могло опираться на память о старой родине.

Все это сказывалось на американской этнологической науке. В данных условиях исследователей меньше всего могла волновать проблема этносов. В центре их внимания оказалась по сути одна проблема этничности, т.е. осознания человеком своей

этнической принадлежности. И эта проблема имела не только теоретическое, но и практическое значение.

Американское общество всегда было политизированным. В нем всегда шла политическая борьба, в которую вовлекались широкие массы. Политики использовали все средства, чтобы заручиться поддержкой по возможности бóльших слоев населения. В странах Африки политики часто используют в борьбе за власть старые родовые и им подобные связи. Это явление известно под названием трибализма, или трайбализма. В Америке одним из способов вербовки сторонников стало использование диаспор.

Политик, происходивший, скажем, из Ирландии, стремился мобилизовать в свою поддержку как собственно ирландскую диаспору, так и людей, которые давно уже полностью стали настоящими американцами, но предки которых были выходцами из названной страны. В результате такой политик был крайне заинтересован не только в том, чтобы люди не забыли о своем ирландском происхождении, но и в том, чтобы возродить у них хотя бы частично ирландское этническое самосознание.

В общем и целом диаспоры в США представляли и сейчас представляют собой явления не столько этнические, сколько политические. Существует множество различного рода организаций диаспор, начиная с культурных и заканчивая чисто политическими. Происходит постоянная политическая мобилизация диаспор, превращение их в политическую силу. Само самосознание диаспоры зависит от действия различного рода факторов, включая экономические и политические. Все это прекрасно показано в статье В.А. Тишкова.

Но сконцентрировав свое внимание на политической стороне диаспоры, он в конечном счете пришел к выводу, что диаспора суть явление только политическое. Это не значит, что он совсем не заметил диаспоры как этнического явления. Однако чисто этнической, неорганизованной диаспоре он отказал в праве называться диаспорой. Он назвал ее просто «миграцией».

С этим вряд ли можно согласиться. Диаспора – явление в основе своей прежде всего этническое. Чем дальше заходит процесс этнической ассимиляции, тем в большей степени диаспору цементирует память об исторической родине, которая понимается исследователями далеко не одинаково. Под исторической родиной можно понимать всю этническую территорию, независимо от ее социорной принадлежности или же только часть ее. В случае существования на территории, откуда шла эмиграция, полиэтнической соционации, под родиной понимается не только и не столько этническая территория, сколько весь социоисторический организм в целом – бывшее отечество. Корсиканцы и бретонцы в США считают, например, себя частью французской диаспоры. И вообще в последнее время под родиной все чаще понимается геосоциорный организм, откуда шла миграция независимо от того, образовывало ли его полиэтничное население соционацию или не образовывало. И это также хорошо показано в статье В.А. Тишкова.

Этническую ситуацию в США, несомненно, нужно учитывать в этнологических исследованиях. Разработка проблем диаспоры и этничности становится все более актуальной в Западной Европе в силу притока туда все большего числа людей из стран Центральной и Восточной Европы, Азии и Африки. Сходная ситуация начинает возникать в ряде областей России, в частности центральных. Нужно принимать во внимание и особенности национальных и этнических процессов в Западной Европе в новое и отчасти новейшее время.

Но В.А. Тишков, на мой взгляд, оказался под слишком большим влиянием концепций, господствующих в западной, прежде всего американской, этнологии (культурной и социальной антропологии). В результате он недостаточно учел отличие этнической ситуации как в Западной Европе, так и особенно в США, от той, что сложилась за пределами этих регионов.

Я уже отмечал, что В.А. Тишков выразил свое резко отрицательное отношение к тому, что он назвал «доктриной этнонационализма». Несомненно, что помимо всего прочего он имеет здесь в виду и те принципиальные положения, которыми руковод-

ствовали российские большевики при проведении того, что они именовали «национально-государственным строительством». Последнее, как известно, выразалось в создании автономных республик, автономных областей и национальных округов. По-видимому, В.А. Тишков считает эту политику глубоко ошибочной. По моему глубокому убеждению, согласиться с ним в этом вопросе нельзя.

Начиная с февраля 1917 г. в России начался бурный подъем национальных движений и соответственно процесс нациезации этносов, т.е. становления, а иногда и оформления этнонаций. Все это не только угрожало развалом России, но и реально вело к нему. В годы гражданской войны от России фактически отпали все ее национальные окраины. Большевики, как известно, заново воссоединили Россию. За ее пределами из бывших национальных окраин империи оказались лишь Польша, Прибалтика и Финляндия. Все прочие вошли в состав новой России – СССР.

Когда сейчас обращаются к этой эпохе, то подчеркивают, что большевики воссоздали Россию путем применения силы, включая военную. Сила действительно применялась, но только с ее помощью воссоздать Россию было невозможно. Нужна была умная национальная политика, которая базировалась бы на глубоком учете сложившейся на территории бывшей империи ситуации.

Конечная тенденция любого национального движения – стремление к образованию самостоятельного государства. Можно пытаться подавить это движение силой. А можно предложить для территории, компактно населенной тем или иным этносом, становящимся одновременно и нацией, статус автономной республики, автономной области и т.п. Это и сделали большевики. Результатом такого национально-государственного строительства стало восстановление государственного единства России. Оправданной в свое время была и проводимая большевиками политика «коренизации». Другое дело, что на каком-то этапе возникла необходимость в иной национальной политике. Но она не была выработана, что привело к весьма нежелательным результатам, в частности к установлению в перестроечные и послеперестроечные годы в ряде бывших автономий России (Татарстан, Башкирия, Калмыкия), не говоря уже о бывших союзных республиках, режима этнократии.

Выше, говоря о национальных движениях, я охарактеризовал их классический образец – движения, порожденные национальным гнетом, дискриминацией по признаку этнической принадлежности. Но жизнь, разумеется, сложнее. Не всегда причиной движений, которые именуют национальными, является национальный гнет.

Иногда у их истоков – властолюбивые и честолюбивые замыслы местных бонапартов, корыстные интересы местной элиты, стремящейся освободиться от контроля сверху, с тем чтобы свободно грабить собственный народ; столь же эгоистические интересы местного чиновничества, жаждущего закрепить за собой должности; местных предпринимателей, старающихся вытеснить опасных конкурентов; амбиции местной интеллигенции, желающей монополизировать сферу духовной жизни и хлебные места в системе образования, науки, культуры, и т.п. Все эти группы апеллируют к родным массам, спекулируют на различного рода теневых сторонах жизни и стремятся выдать себя за истинных защитников их интересов. В свое время все это было показано К. Каутским⁶. Вряд ли подобного рода движения могут быть названы национальными. Их скорее всего можно было бы именовать псевдонациональными, квазинациональными.

Даже настоящие национальные движения, начавшись как борьба против дискриминации данного этноса, нередко перерастают в борьбу за наделение его привилегиями и тем самым за дискриминацию представителей всех остальных этносов, проживающих на данной территории. В случае же псевдонационального движения идеи этнократии, исключительности прав и привилегированного положения данного этноса являются главными, центральными. Ссылки на существовавшую якобы дискриминацию этого этноса представляют собой просто прикрытие антидемократической сущности этого движения. Квазинациональны почти все, если не все, движения, возникшие на территории бывшего СССР, и все без исключения движения на территории нынешней Российской Федерации.

Национальную политику большевиков, предполагавшую образование национальных автономий, сейчас нередко характеризуют как абсолютно ошибочную, непригодную ни для России, ни для какой бы то ни было другой страны. Утверждается, что если ее и применяли, то только в так называемых социалистических странах, да и то вопреки реальному положению вещей лишь под тяжким прессом марксистского идеологического диктата.

В действительности такая политика далеко не ограничена только теми странами, где у власти стояли люди, считавшие себя марксистами. Она применяется умными политиками везде, где возникают национальные движения, формируются этнонации и возникает угроза распада государства. Достаточно напомнить перестройку структуры Индии путем создания штатов по языковому, т.е. по существу этническому, признаку. Семь национальных областей были образованы в Мьянме (Бирме).

Не представляет собой исключения и современная Западная Европа. Как только в некоторых из ее государств начали формироваться этнонации, руководство этих стран тоже занялось по примеру большевиков «национально-государственным строительством». Бельгия, например, была разделена на три региона, среди них два основных – Валлония и Фландрия. Каждый из этих регионов имеет собственную законодательную и исполнительную власть.

Другой пример – Испания. Как известно, во время правления Франко все население этой страны было объявлено одной единой нацией – испанской. Шла насильственная испанизация, ограничивалось и даже запрещалось использование каталонского, баскского, галисийского языков. Национальное движение жестко подавлялось. Когда авторитарному режиму пришел конец, возникла опасность распада страны. Она была предотвращена предоставлением широкой автономии Каталонии, Галисии и Стране Басков. В результате этого баскские радикальные националисты, ставящие своей целью создание независимого государства, лишились широкой поддержки населения.

Напомню, наконец, недавнее создание парламента и правительства в Шотландии. Лейбористы убеждены, что эта мера уменьшит влияние радикальных шотландских националистов, ставящих своей целью отделение этого региона от Англии. Правда, консерваторы, наоборот, полагают, что создание шотландского парламента, т.е. предоставление Шотландии автономии, – прямой путь к распаду Великобритании.

В отличие от правительств названных выше стран правящие круги Турции, как ранее Франко, фактически исходят из концепции, согласно которой наличие общего гражданства автоматически делает население страны одной нацией. Как провозглашается в турецких законодательных актах, все население этой страны представляет собой одну единую нацию – турецкую. Более того, по мнению турецких верхов, в Турции нет не только иных наций, кроме турецкой, но и иных этносов, кроме турецкого. Курдов, составляющих значительную часть населения Турции, объявляют турками. Курдская культура и курдский язык не признаются. Раньше людям вообще запрещалось говорить по-курдски. Сейчас по-прежнему существует запрет на использование курдского языка за пределами домашнего круга. Курдскому языку полностью закрыт доступ на радио и телевидение. Не разрешается печатание книг и газет на курдском языке.

Таким образом, в Турции существует подлинный национальный гнет, который с неизбежностью порождает настоящее национальное, а не квазинациональное движение. Это движение протекает и в форме партизанской войны. И мирного выхода из этого положения не видно, ибо турецкие власти исключают возможность предоставления курдам даже автономии. Все надежды они возлагают на вооруженное подавление курдского движения.

Я не думаю, что турецкая правящая верхушка ведет такую политику в силу того, что она придерживается концепции, согласно которой могут существовать только соционации, а этнонаций нет и быть не может. Но несомненно, что такого рода концепция может служить и служит идейным оправданием творимого правящими кругами Турции насилия. И об этом стоило бы задуматься ее ревностным сторонникам.

Я рассмотрел далеко не все вопросы, поднятые в спорной и в силу этого необычайно интересной статье В.А. Тишкова. Она задает и не может не задеть за живое всех, кто занимается данными сюжетами. Затронутые В.А. Тишковым проблемы можно было бы обсуждать бесконечно. Но любая статья должна иметь конец. И поэтому мне ничего не остается, кроме как поставить точку, не исчерпав, разумеется, всего того, что хотелось бы сказать.

Примечания

¹ Подробно эти понятия рассмотрены в целом ряде моих работ: Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996; Общество, страны, народы // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1996. № 2 и др.

² См. там же.

³ В свое время это понятие было детально разработано в работе П.И. Кушнера (Кнышева). Этнические территории и этнические границы // Тр. Ин-та этнографии. Т. 15. М., 1951.

⁴ Это положение я отстаивал еще в 1960-е годы. См.: Семенов Ю.И. К определению понятия «нация» // Народы Азии и Африки. 1967. № 4; *его же*. Место советского народа среди исторических общностей людей // Там же. 1973. № 5. Детально этот вопрос рассмотрен в моих работах: Секреты Клио. Сжатое введение; Социально-исторические организмы, этносы, нации // ЭО. 1996. № 3.

⁵ Подробнее об этом см.: Семенов Ю.И. Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993; *его же*. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997.

⁶ Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. СПб., 1906; *его же*. Национальные проблемы. Пг., 1918.

Yu.I. S e m e n o v. Ethnos, Nation, Diaspora

An ethnos, or an ethnic community, is an entity of people sharing a common culture, speaking, as a rule, one and the same language and being aware both of their own community and of their difference from members of the other similar human groups. An ethnos may consist of 1) its ethnic nucleus, i.e. the bulk of its population compactly residing on a certain territory, 2) its ethnic peripheries, i.e. some compact groups of representatives of the ethnos as separated in this or that way from the main body of the ethnos, and 3) ethnic diaspora, i.e. individual members of this ethnos as dispersed over territories occupied by some other ethnic communities. A nation is an entity of people united by the presence of a single fatherland. As a formative principle for a nation may serve such a trait as belonging to one and the same concrete society (sociohistorical organism). It's a socionation which can be multiethnic. But a nation may also be formed on the basis of belonging to an ethnos, in which case it's an ethnation. In the case of a socionation the people who have abandoned their native sociohistorical organism, may constitute a single diaspora irrespective of their ethnic belonging.

© 2000 г., ЭО, № 2

С.А. А р у т ю н о в

ДИАСПОРА – ЭТО ПРОЦЕСС

Поступление в редакцию «Этнографического обозрения» статьи В.А. Тишкова совпало с двумя другими немаловажными событиями: выходом в свет первого номера нового журнала «Дiasпоры», издающегося в Москве при поддержке комитета «Джойнт», и проведением при Калифорнийском университете в Беркли научной конференции «Diasporas: Transnational Identity and the Politics of the Homeland» (12–14 ноября 1999 г.). Эти события совпали, конечно, случайно и представляют собой лишь небольшие звенья в общем огромном потоке публикаций и обсуждений, посвященных большому